ЛЕДИ ЭВЕЛИН

ЗИМНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕДИ ЭВЕЛИН

Даже самая маленькая искра не гаснет

СЕВЕРНЫЕ СКАЗКИ · КНИГА ПЕРВАЯ

Леди Эвелин

Зимние приключения Леди Эвелин

«Автор»
2026

Эвелин Л.

Зимние приключения Леди Эвелин / Л. Эвелин — «Автор», 2026

В тот день я пошла на Морозную ярмарку за гусем, а вернулась с драконом.Правда, узнала я об этом только через три недели — когда камень, который старуха всучила мне за два медяка, треснул в моём камине, и оттуда высунулась зелёная голова с глазами больше, чем вся голова.Уголёк ел уголь и малиновое варенье, спал в моём шарфе и воровал ложки. За год он стал мне ближе, чем кто-либо за двадцать четыре года моей тихой, приличной, совершенно пустой жизни.А в ночь зимнего солнцестояния его не стало.И тогда я собрала сумку, взяла дневник матери и уехала на север — туда, где кончаются дороги и начинаются легенды о чёрном драконе, который забирает всё, что ему понравится.Я найду своего Уголька. Даже если для этого придётся постучать в дверь чудовищу.Только меня никто не предупредил, что чудовище откроет мне дверь само. И что оно будет выглядеть как мужчина, от которого у меня подгибаются колени, — и это, поверьте, самая меньшая из моих проблем.Хэппи-энд гарантирую.

© Эвелин Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорок медяков и один лишний камень. 5
Глава 2. Дом, который не согрелся. 8
Глава 3. Ам. 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Леди Эвелин
Зимние приключения Леди Эвелин

Глава 1. Сорок медяков и один лишний камень.

В тот день я пошла на Морозную ярмарку за гусем, а вернулась с драконом. Правда, узнала я об этом только тремя неделями позже, и к тому времени гусь был съеден, а моя репутация пострадала окончательно.

Но начнём с гуся.

Морозная ярмарка в Эшби открывалась раз в год, за три недели до солнцестояния, и была единственным развлечением, которое мой север мог предложить человеку с приличным воспитанием и без денег. Городок набивался битком: съезжались торговцы из четырёх долин, приезжали скупщики шерсти, бродили цыгане с медведями, и над всем этим висел такой густой белый пар, что лица в нём расплывались, как в молоке. Пахло жареными каштанами, мокрой шерстью, хвоей и подгоревшим сахаром. Под ногами хлюпала снежная каша, которую к полудню перемалывали в грязь сотни башмаков.

Я приехала за гусем, потому что миссис Грив сказала: «Миледи, если к сочельнику в доме не будет гуся, люди решат, что мы совсем обнищали». Миссис Грив служит у меня двенадцать лет и до сих пор считает, что приличия важнее отопления. Спорить с ней бессмысленно: она всё равно сделает по-своему, а потом будет вздыхать так, что стены начинают отзываться эхом.

Гусь стоил сорок медяков. У меня было сорок два. Второй медяк я собиралась потратить на горячий сидр и полчаса у огня в трактире «Три вороны», потому что дома меня ждали нетопленая восточная половина, три письма от поверенного и полное отсутствие планов на будущее.

Планов не было уже два года. С тех пор как умер отец и выяснилось, что Стылый Дол — это не родовое гнездо, а родовое болото, в которое надо вкладывать деньги, а брать их неоткуда. Двадцать четыре года, титул, восемь комнат с протекающей крышей и одно платье, которое ещё прилично выглядит при свечах. Классика жанра, как сказала бы моя кузина, если бы у меня была кузина, а не только кузен, который пишет письма исключительно с просьбами.

Я торговалась долго и с достоинством. Торговец попался упрямый, с руками, похожими на две лопаты.

— Миледи, — говорил он, — вы посмотрите на этого гуся. Это не гусь, это произведение.

— Это птица. У неё нет головы.

— Голова была. Мы её сняли для удобства.

— Я дам тридцать девять.

— Сорок, — сказал он и поднял гуся на уровень моих глаз. — Вы поглядите, какое сало. Вы этим салом будете жить до весны.

Я смотрела на мёртвую птицу и думала о том, что до весны мне надо жить ещё чем-то, кроме сала: дровами, свечами, жалованьем миссис Грив и процентом по закладной, о котором поверенный писал мне уже третье письмо, каждый раз всё вежливее и всё страшнее.

— Сорок, — сказала я.

И в этот момент слева от меня оказалась старуха.

Я не слышала, как она подошла. Просто в какой-то момент её не было — а потом она была, женщина в платке цвета мокрого снега, с лицом, похожим на печёное яблоко, и с корзиной, в которой не было ничего, кроме одного серого камня.

— Миледи, — сказала она. Голос был тихий, но я услышала его сквозь весь ярмарочный гвалт так, будто мы стояли в пустой церкви.

— Да?

— Возьмите камень.

— Спасибо. Мне не нужно.

— Нужно, — сказала старуха.

Надо отметить, я не из пугливых. Я двадцать четыре года живу одна в доме, где по ночам скрипит всё, что может скрипеть, и научилась не оборачиваться на звуки. Но в её интонации было нечто такое, от чего у меня по спине прошёл холод — не зимний, а другой, похуже. Так бывает, когда тебе говорят правду, которую ты ещё не знаешь.

— Сколько? — спросила я, потому что с незнакомыми старухами на ярмарках лучше не спорить, а откупиться.

— Два медяка.

Два медяка. Мой сидр. Мой единственный сидр.

Я отдала ей оба. Достала из кошеля, положила в сухую тёмную ладонь, и она сжала пальцы так быстро, что я не успела передумать. Потом вынула из корзины камень и вложила мне в руку.

Я вздрогнула. Камень был тёплый. Не как нагретый на солнце — а как живой. Как спина спящей кошки.

— Он слишком тёплый, — сказала я. — Что это?

— Уголь, — сказала старуха. — Только не гаснет.

— Уголь не бывает таким гладким.

— Этот бывает.

— И что мне с ним делать?

— То же, что со всем остальным. Держать в тепле и не спрашивать, откуда тепло.

Она развернулась и пошла в пар. Я успела крикнуть ей в спину, что заберу деньги обратно, если камень окажется обычным булыжником. Она не обернулась. Только подняла руку — не прощаясь, а как будто останавливая меня на полпути.

— Долг отдадите, — сказала она, уже почти растворившись, — когда он согреет кого-то, кроме вас.

И всё. Пар сомкнулся. Я стояла с гусем под мышкой, с булыжником в руке и без единого медяка на сидр, и торговец смотрел на меня с таким выражением, будто впервые в жизни увидел, как леди покупает у него птицу и получает в придачу ведьму.

— Гуся забираете? — спросил он.

— Забираю.

Домой я шла пешком, потому что извозчик стоил ещё три медяка, а таких денег у меня уже не было. Дорога от Эшби до Стылого Дола — четыре мили вдоль реки, и в декабре она красивая так, что перехватывает дыхание и отнимает последние силы. С одной стороны — обрыв и голые лиственницы, с другой — река, вставшая ещё в ноябре; теперь по ней можно было идти напрямик, и я пошла напрямик, потому что по льду короче. Снег под каблуками скрипел на одной ноте, как несмазанная дверь.

Камень грел мне бедро всю дорогу. Я честно пыталась придумать ему разумное объяснение: может, он из тех пород, что долго держат тепло; может, старуха носила его за пазухой; может, я просто замёрзла и мне мерещится. Мне очень хотелось, чтобы мерещилось. Потому что если не мерещится, то в моей жизни появилось чудо, а чудеса, как известно, всегда предъявляют счёт.

Я шла и думала: если бы мне тогда сказали, чем закончится эта зима, я бы, наверное, развернулась и пошла обратно на ярмарку — просить у старухи деньги назад. Но никто мне ничего не сказал. Старухи уходят, не объясняя.

Это, кстати, первое правило общения с чудесами: тебе никогда не расскажут, во что ты ввязалась, пока ты уже не ввяжешься по самые локти.

Дома уже горел свет в одном окне из восьми.

Больше мы никогда не зажигали все.

Глава 2. Дом, который не согрелся.

Дома было холодно. Холоднее обычного, потому что дров мы жгли ровно столько, сколько позволяли приличия и кошелёк.

Миссис Грив встретила меня в передней с фонарём и с выражением лица, означавшим, что гусь мог бы быть и побольше.

— Миледи, — сказала она, — вы шли пешком.

— Я люблю ходить.

— В прошлом году вы говорили, что это унизительно.

— В прошлом году у меня были деньги на извозчика.

Миссис Грив вздохнула. Это был один из её лучших вздохов — длинный, многослойный, с укоризной во всех трёх слоях. Она забрала гуся, и я с облегчением увидела, что гусь произвёл на неё впечатление: подбросила его на ладони, взвесила и что-то одобрительно хмыкнула.

— К сочельнику, — сказала она. — С яблоками.

— С яблоками.

— И с брусникой.

— Миссис Грив, у нас есть брусника?

— У нас есть всё, кроме денег, — сказала она и ушла на кухню, а я осталась стоять в передней, в темноте, в пальто, с камнем в кармане.

Стылый Дол — странный дом. Он строился не сразу, а веками, прирастая комнатами, как дерево прирастает кольцами, и в нём нет ни одного прямого угла. Зимой он превращается в сквозняк, обвязанный стенами. Летом — в музей, куда никто не ходит. Отец говорил, что дом надо любить, потому что он нас переживёт. Я тогда думала, что это утешение. Теперь понимаю: предупреждение.

Первым делом я проверила почту. Три письма от поверенного лежали на столике у двери, аккуратно, как выкладывают покойника. Я знала, что там внутри, ещё до того, как вскрыла: сначала вежливо, потом очень вежливо, потом с обращением «глубокоуважаемая леди, вынужден напомнить». Мистер Холт из Эшби умел быть вежливым так, что после его писем хотелось лечь и не вставать.

Я не стала вскрывать. Положила обратно.

В гостиной я развела огонь. Делаю я это хорошо — меня научил отец, и это, пожалуй, единственное, что он мне оставил, кроме долгов и набора правил о том, как леди должна себя вести в обществе, где её никто не ждёт. Он учил так: сначала щепа, потом два полена крест-накрест, потом одно сверху, и никогда не подкладывать сырое к сухому. «Огонь не любит спешки», — говорил он, и был прав во всём, кроме собственной жизни.

Огонь занялся быстро. Я села в кресло, поджала ноги, накрылась пледом, который помнил ещё мою мать, и стала смотреть на дрова.

А потом достала камень и положила его в самое пламя.

Не потому что верила старухе. Просто мне хотелось, чтобы хоть одна вещь в этом доме была тёплой.

Камень лежал в огне и не раскалялся. Он становился ярче — но не краснел, как должен раскалённый камень, а делался... зеленее. Как будто внутри него, под серой коркой, кто-то зажёг маленькую лампу.

Я смотрела на это минут десять и думала о том, что мне, кажется, пора к доктору. Доктор в Эшби берёт за визит пять медяков и говорит, что у меня «нервы». В прошлый раз он прописал мне валериану и замуж. Я сказала, что подумаю насчёт первого.

Плед стал тёплым. Веки стали тяжёлыми. Я уснула прямо в кресле, как делала в детстве — когда верила, что если уснуть у камина, то обязательно проснёшься в другой, лучшей жизни.

Мне ничего не снилось. За последние два года мне почти никогда ничего не снилось — я спала так, как спят люди, которые очень устали и не ждут от утра ничего хорошего.

Проснулась я от звука, которого в моём доме ещё не звучало ни разу.

Хрусть.

Тихий, отчётливый, будто кто-то надкусил яблоко — только яблоко было размером с кулак, а звук шёл из камина.

Я открыла глаза. Огонь почти погас. За окнами стояла та особенная, густая темнота, которая бывает только в декабре, когда до рассвета ещё четыре часа и весь мир как будто выключили.

Хрусть.

Я села. Плед сполз на пол. В камине, среди остывающих углей, лежал мой камень — и по нему шла трещина.

Я, наверное, должна была закричать. Я не закричала. У меня перехватило горло, и я просто сидела и смотрела, как трещина ползёт — медленно, уверенно, как река по карте, — и как из неё сочится свет, зелёный и тёплый, и как от этого света на моих руках становится тепло. Не жарко. Именно тепло — так, как бывает, когда берёшь в ладони чужую руку.

Первая мысль была не «дракон». Первая мысль была: «Господи, только не сейчас, у меня гусь на кухне не разморожен».

Вторая мысль была: «Я не умею обращаться с камнями, которые светятся».

Третья мысль не пришла, потому что камень развалился пополам — с сухим стуком, как раскалывается орех, — и из него что-то вывалилось на угли.

Маленькое. Мокрое. Зелёное.

Оно полежало секунду, потом дёрнулось, потом чихнуло. От чиха угли разлетелись по ковру, и я машинально прихлопнула два из них ладонью, потому что ковёр был материнский, а тлеющий ковёр — это уже совсем не та жизнь, которую я планировала.

А потом оно поднялось, и я увидела голову.

Маленькую. Зелёную. С двумя рожками, похожими на обломанные веточки, и с глазами, которые были больше, чем вся голова, и смотрели на меня с выражением, которое я не забуду до конца жизни.

Выражение было такое: «Ну наконец-то».

Утром я проснулась от того, что кто-то очень настойчиво тыкал меня в щёку.

Открыла глаза и увидела прямо перед собой зелёную морду.

Дракон сидел у меня на подушке, вытянувшись в струнку, и держал в зубах мою лучшую чайную ложку.

— Отдайте, — сказала я.

Он не отдал. Развернулся и пошёл по одеялу в сторону двери, очень гордый собой, — и я, ещё в полусне, в ночной рубашке, поползла за ним по холодному полу.

Вот так, если вам интересно, выглядит начало любой настоящей истории: не пророчество, не битва, а леди с растрёпанными волосами, которая в шесть утра ползает по коридору за драконом и чайной ложкой.

К вечеру из сервиза пропали две ложки, напёрсток и серебряная крышка от сахарницы.

Глава 3. Ам.

Я сидела в кресле. Дракон сидел в камине. Мы смотрели друг на друга, и в доме было тихо, только дрова шевелились, оседая.

Я, знаете ли, читала книги. В книгах, когда из камня появляется дракон, начинаются пророчества, битвы и длинные фразы про пламя, которое очистит мир. В моей гостиной не начиналось ничего, кроме сквозняка.

Дракон был размером с котёнка. Если честно — с половину котёнка. Он был мокрый, взъерошенный и очень недовольный, как все, кого вытащили из тёплого на холод, — а из тёплого его как раз и вытащили, причём я, положив его в огонь. Я решила не сообщать ему эту подробность. Успеется.

Крылья у него были сложены и дрожали. На левом не хватало кусочка перепонки — маленькая прореха, как в старом зонте. Хвост закручивался в кольцо, как у забытой на столе чашки. На спине, вдоль хребта, шёл ряд гребешков, и каждый был не больше ногтя.

Я протянула руку — медленно, как протягивают руку к чужой собаке, — и он на неё посмотрел. Потом наклонил голову. Потом, к моему полному изумлению, подставил макушку.

Я коснулась пальцами чешуи. Она была тёплая и гладкая, как камешек на пляже летом, — и я вдруг поняла, что впервые за два года касаюсь чего-то, что касается меня в ответ.

Потом он открыл рот — маленький, розовый, с двумя рядами зубов, похожих на иголочки, — и очень отчётливо, очень требовательно сказал:

— Ам.

Я моргнула.

— Простите?

— Ам, — повторил дракон с интонацией человека, который объясняет очевидное дураку.

— Я не говорю по-драконьи.

Он задумался. Задумывался он всем телом: наклонил голову, потом всё туловище, потом хвост. А потом посмотрел на камин, на огонь, на меня — и очень выразительно кивнул в сторону огня.

— Вам мало огня? — спросила я.

Он закатил глаза. Глаза у него были размером с блюдце, и закатывать их он умел так, что становилось стыдно.

— Хорошо. Вы едите уголь?

Он подпрыгнул. Потом, чтобы проверить, подошёл к камину, вытащил из золы уголёк — горячий, я чуть не закричала, — и с хрустом съел его. Прожевал. Проглотил. И посмотрел на меня с видом человека, который только что доказал свою правоту в научном споре.

— Замечательно, — сказала я. — У меня в подвале две тонны. Проживём до весны.

Я всё-таки решила проверить остальное. Взяла со стола ломоть хлеба и протянула ему. Он понюхал и отвернулся с выражением глубочайшего оскорбления. Сыр он лизнул и выплюнул на ковёр с таким видом, будто я предложила ему мыло.

— У вас очень узкий рацион, — сказала я. — Это вредно.

И тогда я поняла. Не потому что я такая умная, а потому что бессонная ночь обостряет чутьё: он был голоден, он ел уголь, но он просил не дров.

Я встала. Дракон проводил меня взглядом.

— Если вы сожжёте мне кресло, — сказала я, — я вас продам скупщику. У нас в Эшби есть скупщик, который берёт даже битую посуду.

На кухне было темно. Я зажгла свечу и открыла буфет, и там, на второй полке, за банкой с солью, стояло то, что я берегла с лета, — четыре банки малинового варенья, последнее, что осталось от материнских запасов. Мать варила его сама, в августе, и говорила, что варенье

— это способ сохранить лето в стекле. Последнюю банку мы с ней открыли за неделю до её смерти. Она ела с ложки и говорила, что в следующем году сварит больше.

В следующем году её не стало.

Я не знаю, почему я взяла именно варенье. Может, потому что камень был тёплый. Может, потому что я двадцать четыре года живу одна и уже не помню, как это — когда в доме кто-то ждёт.

Я вернулась в гостиную с банкой в руке.

Дракон сидел на ковре — уже вылез из камина, весь в саже, — и при виде банки издал звук, который я могу описать только как «взволнованное бульканье». Он подпрыгнул на месте. Крылья раскрылись на полкомнаты — и он немедленно свалился на бок, потому что крылья, оказывается, ничего не держат.

Я села на пол рядом с ним. Открыла банку. Поставила перед ним.

Он сунул туда морду целиком.

Через минуту он вылез обратно, весь липкий, с вареньем на рогах, посмотрел на меня снизу вверх — и я, леди Эвелин Ортанс, двадцати четырёх лет, хозяйка Стылого Дола, женщина, которая не верит ни в чудеса, ни в гадания, ни в старух с ярмарки, — засмеялась.

Я не смеялась два года. Я думала, что разучилась.

И в этот момент в коридоре раздались шаги.

Миссис Грив не спит по ночам, потому что считает, что в приличном доме кто-то должен бодрствовать. Я схватила дракона, сунула его за пазуху, замотала в шаль — он возмущённо булькнул и затих, — и села в кресло с видом женщины, которая просто сидит в кресле.

Дверь открылась. Вошла миссис Грив с фонарём.

— Миледи, вы не спите.

— Я думаю.

— О чём?

— О гусе.

Миссис Грив посмотрела на меня. Потом на камин. Потом на банку варенья, которая стояла на полу открытая, с отпечатками зубов на краю.

— Вы ели варенье.

— Я нервничаю.

— У вас на платье сажа.

— Это от камина.

— У вас сажа на груди, миледи. Вы что, лежали в камине?

— Я... — сказала я и почувствовала, как дракон у меня за пазухой замирает. — Я уронила кочергу.

Миссис Грив смотрела на меня долго. Фонарь у неё в руке чуть дрожал, и по стене ходила большая тень.

— Миледи, — сказала она наконец. — Я служу в этом доме двенадцать лет. Я видела, как вы в шестнадцать спрятали в шкафу живого поросёнка и говорили, что это мешок с мукой. Я человек не любопытный. Но если в моём доме заведётся что-нибудь, что ест варенье и оставляет следы, я хочу знать об этом первой.

Дракон за пазухой чихнул.

Тихо, но вполне отчётливо.

Миссис Грив замолчала.

Потом медленно подняла фонарь. Потом медленно опустила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.